

Т $\frac{84}{268}$

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ О РУССКИХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ СЛОВОМЪ И ПРИМЪЧАНИЯМИ.

ПО СБОРНИКАМЪ

Кирши Данилова, Кирѣвскаго, Рыбникова, Гильфердинга и др.

составлено Н. Бунаковымъ.

Съ рисунками и приложеніемъ нотъ-напѣвовъ былинь.

Въ 4-мъ изданіи исправлено и дополнено А. Бунаковымъ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія библ. низшихъ училищъ и въ бесплатн. народн. читальни и библіотеки.—Учебн. Ком. Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Импер. Маріи одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго и средняго возрастовъ среднихъ учебн. заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи.—Опредѣленіемъ Училищн. Совѣта при Свят. Синодѣ допущено въ библіот. второ-классн. и церковно-учительскихъ школъ.—Циркулярѣмъ Главнаго Штаба одобрено къ обращенію въ войскахъ.

МОСКВА—1915.

5-е изданіе В. Д. КАРЧАГИНА.

Тверская ул., д. Смирнова, кв. 31.

268
НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ

○

РУССКИХЪ МОГУЧИХЪ

=== БОГАТЫРЯХЪ. ===

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ СЛОВОМЪ
===== И ПРИМЪЧАНІЯМИ. =====

ПО СБОРНИКАМЪ

Кирши Данилова, Кирѣвскаго, Рыбникова, Гильфердинга и др.

составлено **Н. Бунаковымъ.**

Съ рисунками и приложеніемъ нотъ-напѣвовъ былинь.

Въ 4-мъ изданіи исправлено и дополнено

А. Н. БУНАКОВЫМЪ.

Изданіе 5-е, перепечатанное безъ измѣненій съ 4-аго.

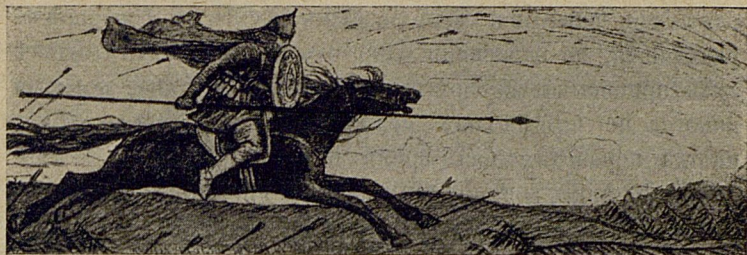
IV изданіе Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.—Учебн. Ком. Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Импер. Маріи одобрено для ученическихъ библіотекъ младш. и средн. возрастовъ среднихъ учебн. заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи.—Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Свят. Синодѣ допущено въ библіотеки второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ.—Циркуляромъ Главнаго Штаба одобрено къ обращенію въ войскахъ.

МОСКВА—1915.

Изданіе В. Д. КАРЧАГИНА.

Тверская ул., д. Смирнова, кв. 31.

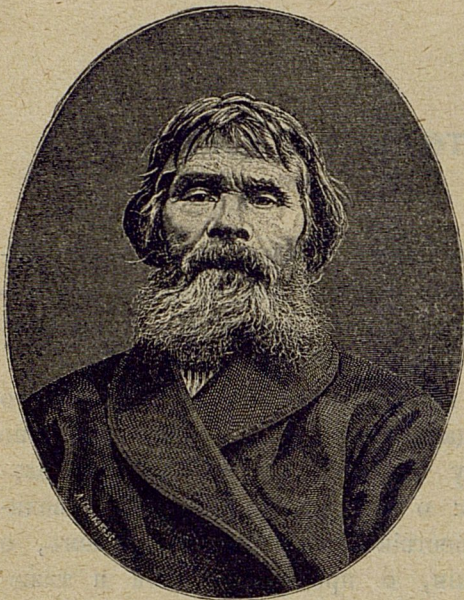

Объяснительное слово.

„Былинами“, или „старинами“, называются древнія народныя русскія пѣснопѣнія о давно минувшихъ событіяхъ народной жизни. „Былина“, или „старина“, и значитъ пѣсня о минувшемъ, о быломъ, о старинѣ.

Въ народѣ испоконъ вѣка сохранялись воспоминанія о такихъ событіяхъ и лицахъ минувшаго, которыя особенно поражали его по своему благодѣтельному или губительному вліянію на жизнь: о великихъ радостяхъ и великихъ печаляхъ, о нашествіи враждебныхъ племенъ, о разореніи и порабощеніи, о продолжительной и тяжелой борьбѣ съ врагами, объ освобожденіи отъ вражескаго ига, о бѣдственныхъ домашнихъ раздорахъ, междоусобіяхъ, смутахъ и неурядицахъ, объ отрадномъ водвореніи порядка и спокойствія, о злодѣяхъ, возмутителяхъ и поработителяхъ, о герояхъ—защитникахъ и спасителяхъ своего народа. Первоначально лица и событія запоминались и переходили въ народной памяти изъ поколѣнія въ поколѣніе, приблизительно въ томъ самомъ видѣ, каковы они были на самомъ дѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, какими казались современникамъ. Но со временемъ, переходя изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, преданія, во-первыхъ, перепутывали воспоминанія народа:

сливались событія и лица разныхъ временъ и совершенно различныя, не зависящія одно отъ другого; дѣло одного лица приписывалось другому; сближались лица, которыя никогда не встрѣчались между собой на самомъ дѣлѣ; иногда перепутывалось время или мѣсто, иногда — дѣйствующія лица, а то — и самыя дѣйствія. Во-вторыхъ, преданія ненамѣренно, безсознательно измѣняли и образы отжившихъ людей: любимцы и благодѣтели народа обра-

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ.

щались въ чудесныхъ героевъ правды и добра, враждебныя и ненавистныя личности — въ отвратительныхъ чудовищъ и т. п. Въ тѣмъ эти преданія мало-по-малу облекались въ опредѣленныя, частовъпѣсенныя, формы, и въ этой формѣ они стали сохраняться въ памяти пѣвцовъ.

Пѣвцы русскихъ былинъ существуютъ и до сихъ поръ, преимущественно въ сѣверныхъ и сибирскихъ губерніяхъ; сами себя они

называютъ „сказителями“. Замѣчательно, что между ними рѣдко попадаются грамотные: они не записываютъ былинъ, а сохраняютъ ихъ въ своей памяти и передаютъ свое наслѣдство другимъ устно. Однимъ изъ лучшихъ „сказителей“ былъ крестьянинъ Олонецкой губерніи Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ*, перенявшій свои былины, съ ихъ напѣвами, отъ своего дяди и другого сказителя, жившихъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Напѣвы былинъ очень просты ¹⁾. У каждаго пѣвца-сказителя для всѣхъ былинъ

¹⁾ См. на стр. 155 приложение: ноты-напѣвы былинъ.

два или три напѣва, но они разнообразятся ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, повышеніемъ или пониженіемъ голоса, который звучить то торжественно, то протяжно и уныло, то игриво и весело.

Но не сказители были творцами былинь. Первоначальное составленіе былинь принадлежитъ южно-русскимъ пѣвцамъ-дружинникамъ. Такіе пѣвцы-дружинники, существовавшіе, вѣроятно, уже въ эпоху кн. Владимира Красное Солнышко, пѣли славу князьямъ, восхваляли подвиги богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и др. Пѣвцы былинь въ тѣ отдаленныя времена считались „вѣдущими“, „вѣщими“ и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Изъ среды княжескихъ дружинниковъ былины перешли въ среду „скомороховъ“, профессиональныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Конечно, это случилось не сразу — къ тому времени, когда миновала дружинно-княжеская пора русской исторіи. Скоморохи—это уже не прежніе вѣщіе „бояны“, каждое слово которыхъ было какъ бы прорицаніемъ; скоморохи—веселые люди, потѣшники, фокусники, ставящіе своей главною задачею развлечь, удивить тѣхъ, кто ихъ кормить, кто имъ даетъ подачки. Понятное дѣло, что такіе пѣвцы былинь, какъ скоморохи, не могли пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Къ тому же они отнеслись „по-скоморошьи“ и къ содержанію былинь—внесли въ былины много сказочнаго, чудеснаго, не связаннаго съ тѣмъ историческимъ матеріаломъ, которымъ располагали древніе пѣвцы-дружинники. Съ появленіемъ во второй половинѣ XII в. новыхъ культурныхъ и политическихъ центровъ, ослабившихъ значеніе стараго Кіева, наконецъ послѣ паденія его въ 1240 г. подъ натискомъ татарскихъ полчищъ,—былины, перешедшія въ руки скомороховъ, начинаютъ испытывать и иныя литературныя вліянія: въ содержаніи былинь отражаются мѣстныя преданія суздальской и московскихъ эпохъ, легендарныя сказанія о великихъ людяхъ и святыхъ, проникшія съ востока изъ Византіи и изъ Западной Европы. И вотъ былины, въ содержаніи которыхъ имѣются все отмѣченныя

выше наслоенія, сохраняются столѣтія въ народной памяти, передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ устъ въ уста, разучиваются и распѣваются „сказителями“. Собиратели былинь бѣольшую ихъ часть записали на сѣверѣ: въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской и въ Сибири. Здѣсь былинный разсказъ сохранялся въ коренной народной средѣ, и сами сказители смотрѣли на былинку какъ на исторически-точный разсказъ о давно минувшихъ событіяхъ народной жизни. Несмотря на всѣ позднѣйшія измѣненія, въ былинахъ, записанныхъ собирателями Рыбниковымъ, Даниловымъ, Кирѣевскимъ, Гильфердингомъ и др., мы ясно можемъ различить ядро сказаній, сложившихся въ старые годы по поводу важныхъ историческихъ событій или по поводу тѣхъ или другихъ особенностей народнаго быта. Поэтому былины, помимо ихъ поэтической цѣнности, представляютъ для насъ громадный интересъ, какъ отраженіе въ народной памяти стародавней исторіи и жизни русскаго народа, съ ея наиболѣе крупными событиями и явленіями.

Предлагаемая книжка есть извлеченіе изъ сборниковъ выше поименованныхъ собирателей былинь, при чемъ помѣщаемыя здѣсь былины, по возможности, приведены въ стройное и связное цѣлое.

Въ былинахъ повѣствуется о богатыряхъ. „Богатырь“ — человѣкъ, одаренный необыкновенной силою и отвагою, совершающій смѣло и удачно разные подвиги, которые не подь-силу людямъ обыкновеннымъ ¹⁾. Но, какъ мы

1) Слово „богатырь“ нѣкоторыми учеными производится отъ слова Богъ, такъ какъ богатыри, по народному представленію, существа необыкновенныя, надѣленные высшими, почти божественными качествами. Другіе изслѣдователи полагаютъ, что это слово выработалось изъ древняго прозвища „буйтуръ“ (такъ, напр., прозывался кн. Всеволодъ Святославичъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“), составленнаго изъ словъ: „буй“ — дикій и „туръ“ — зубръ, волъ. Наконецъ, существуетъ мнѣніе, что слово „богатырь“ заимствовано у татаръ и что татары, какъ и другія монгольскія племена, въ свою очередь заимствовали это слово изъ древне-санскритскаго языка: по-санскритски „багадхара“ обозначаетъ человѣка, обладающаго счастьемъ, удачливаго.

увидимъ ниже, не всегда главныя дѣйствующія лица былины по своимъ физическимъ и душевнымъ качествамъ соответвуютъ такому обычному представленію богатыря. Весьма знаменательно, что даже и самое слово „богатырь“ упоминается не во всѣхъ былинахъ.

Самое распространенное дѣленіе былины нижеслѣдующее.

Во-первыхъ, различаютъ былины о богатыряхъ старшихъ и былины о богатыряхъ младшихъ. Къ первой группѣ относятся помѣщенные въ нашемъ сборникѣ былины о Святогорѣ, о Вольгѣ Святославичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ и еще нѣкоторыя другія.

Былины о младшихъ богатыряхъ, въ свою очередь, раздѣляются, главнымъ образомъ, тоже на два цикла или группы: былины кievскія и былины новгородскія.

Ученые, установившіе такое дѣленіе, полагали, что старшіе богатыри—олицетвореніе стихійныхъ силъ природы или отдѣльныхъ періодовъ жизни русскаго народа до эпохи кн. Владимира. Такимъ образомъ ученые относили старшихъ богатырей къ самому отдаленному времени народной жизни. Старшіе богатыри, слѣдовательно, должны мало походить на обыкновенныхъ людей.

Таковъ, напримѣръ, *Святогоръ*, которымъ начинается предлагаемый сборникъ. Это громадный богатырь, образъ котораго уловить невозможно: онъ „выше лѣсу стоячаго, головой подпираетъ облако ходячее“, „не съ кѣмъ ему силой помѣряться“, „а сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается“, „грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени“, — такъ бы „всю землю и поднялъ“. Видна какая-то страшная сила, могучая, но не творящая, а разрушающая, бродячая и напрасно бременящая землю.

Святогоръ—бродячая, кочевая до-историческая Русь. Земля, которую Святогоръ затѣялъ поднять, овладѣваетъ этой грубой бродячей силой, такъ сказать, приковываетъ ее къ себѣ, какъ только эта сила соприкасается съ землей. Земледѣліе, тѣсно связанное съ осѣдлымъ бытомъ, даетъ дикой бродячей силѣ кочевниковъ-звѣролововъ та-

кое направлѣніе, что она изъ силы разрушающей становится силою производящею, творящею.

Таковъ смыслъ былины про Святогора-богатыря, въ которой разсказывается, что Святогоръ съ своею силою „въ землю угрызъ“: она отражаетъ переходъ народа отъ дикаго кочевого быта къ осѣдлому земледѣльческому.

Въ одной изъ былинъ про Илью Муромца иначе разсказывается о кончинѣ Святогора: онъ самъ легъ въ гробъ и передъ смертью, чувствуя, что ему пора умирать, часть своей силы передалъ Ильѣ. Смыслъ остается тотъ же: окончилась пора бродячаго, кочевого быта, и та же сила, которая прежде бродила безъ толку, напрасно бременила землю, идетъ на дѣло земское. Сила та же, да иной ея духъ, иной характеръ, иное направлѣніе: Святогоръ—богатырь и Илья Муромецъ — богатырь, но богатырство Ильи — иное, съ инымъ духомъ, съ иными наклонностями и стремленіями.

Къ числу старшихъ богатырей принадлежатъ также — *Микулушка Селяниновичъ* и *Волга Святославовичъ*. Былина, повѣствующая о встрѣчѣ этихъ богатырей, отражаетъ позднѣйшіе событія и перевороты въ народной жизни, а именно—столкновеніе и сближеніе двухъ новыхъ силъ, заступившихъ мѣсто умершей, угрызшей въ землю дикой кочевой силы, сближеніе двухъ новыхъ началъ—земскаго и государственнаго. Кочевая, разрушающая сила выродилась въ творящую силу, земскую; а отъ земледѣльческаго быта одинъ шагъ до государственнаго, — рядомъ съ земскою силой сама собой нарождается сила государственная, и обѣимъ этимъ силамъ необходимо для общаго блага сблизиться, соединиться, чтобы поддерживать другъ друга. *Микулушка Селяниновичъ* — богатырь-ратай, пахарь. Пашетъ онъ обширное, неоглядное поле: „въ край онъ уѣдетъ — другого не видать“, — обширное поле и еще не пропаханное, новъ: ему приходится „коренья, каменья вывертывать, а большіе-то каменья въ борозду валить“. Это обширное поле—вся русская земля, вся ея ширь и гладь неоглядная. Былина, созданная народомъ, по-своему украшаетъ богатыря земскою силой, какъ любимое созданіе на-

роднаго творчества: лошадь у ратая Микулушки соловая, сошка кленовая, гужики шелковые; голосъ его такъ раздается по раздолью русскаго поля, что Вольга еще не видитъ ратая, а голосъ его слышитъ, и слишкомъ два дня онъ долженъ ѣхать полемъ, чтобы встрѣтиться съ этимъ ратаемъ лицомъ къ лицу. Но главное украшеніе богатыря-ратая—его сила, не та обыкновенная богатырская сила, которая проявляется въ ратныхъ удачахъ молодецкихъ, а совсѣмъ особенная, своеобразная, которая проявляется иначе и въ иныхъ случаяхъ. Поѣхалъ Микулушка въ городъ за солью, а горожане стали притѣснять его, потребовали „грошѣвъ подорожныхъ“, т.-е. пошлины; ратай, признавая такое требованіе дѣломъ несправедливымъ, разбойничьимъ (онъ и называетъ горожанъ „разбойниками“), побилъ горожанъ. Надо землю пахать, корни корчевать, камни выворачивать, — здѣсь Микулушка обнаруживаетъ такую силу и ловкость, что никакой богатырь съ нимъ не сравнится. Надо сошку „съ земельки повыдернути, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути и припрятать сошку за ракитовъ кустъ“, чтобы сберечь ее „для ради мужика-деревенщины“, — напрасно силятся сдѣлать это дружинники Вольги Святославовича, люди ратные, — ни пять, ни десять, ни всѣ они вмѣстѣ не могутъ справиться съ сохой, а Микулушка-ратай взялъ сошку одной рукой, съ земельки повыдернулъ, земельку повытряхнулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кустъ. Проявляясь только въ извѣстныхъ случаяхъ, сила ратая Микулушки не хвастлива, не заносчива и чуетъ свою слабость, непригодность во всякомъ другомъ дѣлѣ, кромѣ дѣла земскаго. Потому-то Микулушка является такимъ скромнымъ передъ богатыремъ-дружинникомъ Вольгою. Потому-то и на вопросъ Вольги объ имени онъ сперва говоритъ о своей работѣ, о своихъ земскихъ трудахъ и заслугахъ („а я ржи налашу“ и т. д.), за которые ему дано и самое имя.

Вольга Святославовичъ — богатырь-дружинникъ. Онъ и своимъ именемъ и характеромъ напоминаетъ Вѣщаго Олега лѣтописи. Былина представляетъ Вольгу мудрымъ,

а мудрость эта, во-первыхъ, состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ нагнать страхъ даже на природу, умѣетъ оборачиваться щукой-рыбой и ходить въ глубокихъ моряхъ, сѣрымъ волкомъ рыскать въ чистыхъ поляхъ, птицей-соколомъ летать подъ оболочка, и отъ него въ страхъ уходятъ рыбы, убѣгаютъ звѣри, улетаютъ птицы. Во-вторыхъ, мудрость его состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ и стремится водворить порядки въ русской землѣ при помощи дружины своей, которая ему предана и повинуется безпрекословно. Выучился онъ „всякой мудрости“, собралъ дружину и поѣхалъ съ ней устанавливать порядки. Встрѣтивъ въ полѣ богатыря-ратая Миклушу, Вольга съ перваго раза относится къ нему свысока, даже имени его не знаетъ, да и знать не хочетъ, просто называетъ его „ратай-ратаюшко“, въ то время какъ этотъ ратай-ратаюшко величаетъ его Вольгой Святославовичемъ: видно, что богатырь-ратай здѣсь свой человѣкъ,—какъ же ему, хозяину, не знать имени гостя, пришло, а можетъ быть и приглашеннаго дружинника? Но познакомившись поближе съ богатыремъ-ратаемъ, мудрый богатырь-дружинникъ тотчасъ сообразилъ, что эта смиренная сила пригодится ему: онъ зоветъ „ратая-ратаюшка“ къ себѣ „во товарищи“ и попытается узнать его имя и отчество.

Младшіе богатыри — настоящіе, живые люди, только одаренные бѣльшимъ запасомъ силъ, физическихъ и нравственныхъ, но съ обыкновенными человѣческими добродѣтелями и пороками, привычками, потребностями и наклонностями. Одинъ изъ нихъ хвастливъ, другой пьяница, третій щеголь, у четвертаго „глаза завидушіе, руки загребушія“ и т. под. Одни изъ нихъ живутъ и дѣйствуютъ въ кievскомъ княжествѣ, окружаютъ князя Владимира Красное Солнышко, служатъ князю и народу, оберегая Кievскую Русь. Другіе живутъ и дѣйствуютъ въ Великомъ Новгородѣ.

Кievскіе богатыри группируются около князя Владимира, котораго былины величаютъ „Краснымъ Солнышкомъ“ и называютъ „ласковымъ“ княземъ. Но о самомъ князѣ въ

былинахъ говорится мало. Дѣятельность его состоитъ въ томъ, что онъ собираетъ богатырей около себя, устраиваетъ для нихъ пиры, ласково принимаетъ и угощаетъ ихъ, отправляетъ на службу, на разные подвиги, иногда сватаетъ и женить. Радущіе, гостепрѣимство, ласковость, привѣтливость—вотъ черты, характеризующія князя Владимира, какимъ онъ представляется въ былинахъ. Извѣстно, что такимъ же представляетъ его и лѣтопись, такъ что здѣсь былина совершенно согласна съ лѣтописью. Самъ князь Владимиръ въ былинахъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ; героями, совершающими ихъ, являются исключительно окружающіе его богатыри; но чувствуется, что безъ него не было бы ни этого богатырства, ни этихъ подвиговъ на благо русской земли: князь Владимиръ является связующимъ началомъ, дѣйствительнымъ „солнышкомъ“, безъ котораго все бы завяло, отжило, рассыпалось въ прахъ. Въ немъ сосредоточена та благая и крѣпкая государственная власть, которая собираетъ и направляетъ народныя силы для блага земли.

Въ чемъ же заключается дѣятельность богатырей, окружающихъ ласковаго князя Владимира Красное Солнышко, состоящихъ на службѣ князю и русской землѣ? Они ведутъ постоянную борьбу съ внутренними и внѣшними врагами русскаго государства и народа. Внутренніе враги въ былинахъ представляются въ образахъ чудовищъ—*Соловья разбойника*, *Змья-Горыныча*, *Тугарина-Змьевича*, *Идолица поганого*. Это, прежде всего, враждебныя силы суровой сѣверной природы, съ которой приходилось бороться русскому народу, а затѣмъ—язычество, упорно враждовавшее противъ христіанства, и разбойничьи шайки, которыя такъ усиливались, при слабости государственной власти, что съ ними надо было вести настоящую войну. Внѣшніе враги—чужіе богатыри и чужія силы—*Жидовицъ-богатырь*, *Каминъ-царь* съ несмѣтными силами, *Чудь бѣлоглазая*, *Сорочина домополая*, *Калмыки со Татарами*, *Чужши* и *Алюторы* и т. п. Это—тѣ инородческія племена, съ которыми русскій народъ, дѣй-

ствительно, велъ упорную борьбу въ первыя столѣтія государственной жизни, отстаивая свою самостоятельность и свою землю, защищаясь отъ хищническихъ набѣговъ и постепенно расширяя свои владѣнія ради огражденія своей безопасности.

Во главѣ кievскаго богатырства стоитъ *Илья Муромецъ*, любимецъ народа; его богатырскимъ поѣздкамъ и подвигамъ посвящена большая часть кievскихъ былинъ. Подвиги его—подвиги самого народа, его качества и характеристическія черты—идеальныя представленія о желательномъ достоинствѣ истинно русскаго человѣка, усвоенныя народомъ по отношенію къ самому себѣ.

Прежде всего, Илья Муромецъ—человѣкъ съ любящимъ, добрымъ сострадательнымъ сердцемъ; ему и богатырство, могучая сила и молодецкая удалъ даны прохожими странниками послѣ тридцатилѣтняго неподвижнаго сидѣнья за готовность на дѣло милосердія. Онъ—благочестивый христіанинъ, про котораго можно сказать русской поговоркой, что онъ „безъ Бога ни до порога“. Онъ—хорошій, почтительный сынъ и принимается за дѣло не иначе, какъ испросивъ родительское благословеніе. Онъ—усердный и вѣрный слуга князя и русской земли и никогда не измѣняетъ своему долгу ни изъ страха и самосохраненія, ни изъ корысти и властолюбія; его ничѣмъ не подкупишь, не соблазнишь, не испугаешь. Онъ и во главѣ кievскаго богатырства встаетъ не только за огромную физическую силу, но также за простоту и честность, за вѣрную службу князю и дѣлу государственному, земскому и народному.

Илья Муромецъ прокладываетъ прямоѣзжія дороги, расчищая лѣса и болота, которыми изобилуетъ русская земля, разгоняетъ воровъ-разбойничковъ, побѣждаетъ и Соловья-разбойника, и поганое Идолище, и Жидовина-богатыря, и Калина-царя, съ его несмѣтными силами угрожающаго Кіеву. Другіе богатыри повинуются богатырю Ильѣ Муромцу, который умѣетъ каждому дать подходящее дѣло на благо князя и русской земли.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на двухъ *богатырей-женщинъ*, которыя являются въ былинахъ. Это дочери Микулушки Селяниновича. Онѣ представляются могучими богатырями, но богатырство не измѣнило ихъ женской природы. Младшая, *Настасья Микулична*, устояла въ бою съ могучимъ богатыремъ Добрыней Никитичемъ, но ее побѣдила любовь: она полюбила Добрыню, вышла за него замужъ и стала доброй, вѣрной, любящей женой. Старшая, *Василиса Микулична*, является любящей и преданной женой богатыря *Ставра Годиновича*; но обязанности семейныя не убили въ ней богатырства, и когда съ мужемъ, съ „любимою семеюшкою“, съ „законною державушкой“ случилась бѣда, это богатырство дало ей возможность выручить изъ бѣды Ставра Годиновича.

Среди кіевскихъ богатырей въ былинахъ являются *богатыри запъжје*—гости, которые тоже стремятся къ ласковому князю Владимиру. Таковы: *Дюкъ Степановичъ* изъ Волынца, Красна Галичья, торговый челоуѣкъ, поразившій Кіевъ своимъ богатствомъ, и *Соловей Будиміровичъ* изъ-за моря, изъ города Леденца, искусный гуслиарь, женихъ племянницы князя, прекрасной *Занавы*.

Кіевское богатырство погибаетъ подъ напоромъ какой-то „нездѣшной силы“, какъ разсказывается въ былинѣ о томъ, „съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси“. Что же эта за „нездѣшняя сила“? Нѣкоторые ученые видятъ въ ней монгольское иго, придавившее русскую земскую силу, русскую земскую жизнь. Эта „нездѣшняя сила“ — роковая сила гнетущихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ татарскимъ погромомъ. Она перевернула весь строй русской народной жизни, перепутала всѣ житейскія отношенія вопреки нравственнымъ понятіямъ народа; она извратила людскія отношенія, попирая все, что въ глазахъ народа было свято и дорого; она произвела страшную неурядицу и въ государственной и въ земской жизни, и въ народныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ. Среди этой неурядицы не стало мѣста могучимъ богатырямъ, представителямъ иного строя

жизни. Та жизнь разрушилась, окончилась, отошла; пришла конецъ и богатырству, которое было создано тою жизнью, какъ явленію отжившему, непригодному. Могучіе русскіе богатыри обратились въ мертвые камни,—и не стало больше на Руси богатырей, остались только обыкновенные люди, а камни тѣ, по народному вѣрованію, сохранились и до сихъ поръ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и теперь указываютъ на эти камни, какъ на окаменѣлыхъ богатырей, какъ на каменные памятники утраченной могучей силы далекаго прошлаго.

По мнѣнію другихъ изслѣдователей, преданіе о томъ, отчего перевелись витязи на святой Руси, олицетворяетъ другую, болѣе возвышенную мысль,—какъ сила физическая, матеріальная мало-по-малу уступила на Руси мѣсто силѣ духовной, нравственной. Эта борьба силы земной съ высшей „небесной“ силой составляетъ содержаніе былины по ея первоначальному варианту. Здѣсь прямо сказано, что богатыри погибли, „окаменѣли“ оттого, что осмѣлились возстать противъ „небесныхъ“ силъ. „Алеша Поповичъ-младъ“ обезумѣлъ отъ гордости и говорить: „Попадай намъ силу небесную: мы и съ тою силою, витязи, справимся“. Этимъ неразумнымъ словомъ онъ погубилъ всѣхъ богатырей. Бились витязи три дня, три часа,—а Сила все растеть да растеть, все на витязей съ боемъ идетъ“. Испугались витязи, побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры и окаменѣли. Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Совершенно отдѣльно отъ кievскаго стоитъ *богатырство новгородское*. Отброшенный на сѣверъ, торговый и богатый Великій Новгородъ, благодаря отдаленному положенію, жилъ своею особою жизнью, выработалъ свою могучую, крѣпкую общину и сохранилъ свою самобытность даже въ то время, когда надъ всею русскою землею тяготѣлъ гнетъ татарскаго ига. Поэтому богатырство новгородское жило дольше и представляетъ совѣмъ особыхъ, своеобразныхъ героевъ, отличныхъ отъ героевъ богатырства кievскаго. Въ торговомъ городѣ главною

силою является капиталъ, богатство матеріальное, накопленное умомъ, смѣлою предприимчивостью и удачею. Смышленная, смѣлая, предприимчивая личность, сильная капиталомъ,—вотъ первый богатырскій образъ въ новгородскихъ былинахъ: это *Садко-купецъ*. Но сила личности ничтожна передъ силою могучей общины, которая выработалась въ Новгородѣ; личность сильна, пока она въ ладу съ общиной; въ случаѣ разлада ей приходится смириться; борьбы съ общиной ей не выдержать, какъ не выдержалъ ея Садко-купецъ, выразившій сознание своего безсилія передъ силой общины въ такихъ словахъ: „Не я, видно, богатъ, купецъ новгородскій,—побогаче меня славный Новгородъ“.

Рядомъ съ богатствомъ, конечно, неминуема и бѣдность; рядомъ съ богачами живетъ бѣднота, „голытьба“, у которой вмѣсто капитала обнаруживается иная сила—дерзкая молодецкая удаль.

Эта удаль широко и буйно развернулась въ Новгородѣ и создала такъ называемую новгородскую „вольницу“. Шайки новгородскихъ удальцовъ, подъ именемъ „ушкуйниковъ“, появлялись на легкихъ лодкахъ—„ушкуяхъ“—на Волгѣ и занимались грабежомъ, наводя страхъ на все Псковье. Дѣла, въ самомъ Великомъ Новгородѣ, вольница вносила въ жизнь не мало буйства, безчинства, разнузданности, дракъ и кровавыхъ приключеній, но зато своею дерзкою удалью она вносила въ общину и нѣкоторое равновѣсіе, потому что не давала излишняго, подавляющаго преобладанія капиталу, богатству. Притомъ же и буйная вольница въ новгородской общинѣ не оставалась безъ узды, которая могла бы укрощать расхаживающую молодецкую удаль. Такое укрощающее значеніе имѣла сила церкви и сила семьи. Новгородская вольница въ былинахъ является въ образѣ *Василія Буславича*; *Старичище-Пилигримище*—церковная сила; *мать Василія*—семейная сила.

Кромѣ изложеннаго выше дѣленія русскихъ народныхъ былинъ, существуетъ въ настоящее время и другое дѣ-

леніе, установленное знаменитымъ изслѣдователемъ былиннаго эпоса—В. Ө. Миллеромъ. Объ этомъ второмъ дѣленіи, хотя и не столь распространенномъ въ учебной литературѣ, нельзя уже умолчать по одному тому, что оно, по мнѣнію ученыхъ, покоится на строго-научныхъ основаніяхъ.

В. Ө. Миллеръ дѣлитъ былины по ихъ содержанію на два отдѣла: 1) былины богатырскаго, или воинскаго, характера, въ которыхъ идетъ рѣчь о подвигахъ богатырей, ихъ битвахъ съ кочевниками и разными чудовищами—Змѣемъ-Горынычемъ, Жидовиномъ-богатыремъ, Идолицемъ и т. п.; 2) былины не-воинскаго характера, въ которыхъ изображается городская и семейный бытъ, чудесныя приключенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ и т. п. Къ первому отдѣлу могутъ быть отнесены бѣльшая часть былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, нѣкоторыя—о Добрынѣ Никитичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ и др. Во второй отдѣлъ войдутъ помѣщенные въ предлагаемомъ сборникѣ былины о „старшихъ“ богатыряхъ, новгородскія былины и нѣкоторыя другія, напр.: кievская былина о Добрынѣ и Маринѣ ¹⁾.

¹⁾ Изслѣдованія покойнаго академика А. Н. Веселовскаго подтверждаютъ научныя преимущества дѣленія былинъ, установленнаго В. Ө. Миллеромъ. Веселовскій доказываетъ, что былины о такъ называемыхъ „старшихъ богатыряхъ“ были созданы вовсе не въ бѣлье раннія времена, чѣмъ былины кievскія и новгородскія. По мнѣнію ученаго, образы Святогора и Микулы были созданы подъ несомнѣннымъ вліяніемъ средневѣковыхъ легендъ и бродячихъ сказаній объ Аникѣ-воинѣ, царѣ-пахарѣ Гугонѣ, пресвитерѣ Іоаннѣ и пр. Равнымъ образомъ и дѣленіе былинъ хотя бы на два главныхъ цикла вызываетъ много вѣскихъ возраженій. По мнѣнію того же В. Ө. Миллера, былины, въ которыхъ упоминаются Кіевъ и имя кн. Владимира, могли быть сложены въ XV, XVI и даже XVII вв. пѣвцами, не издавшими Кіева и проживавшими въ сѣверныхъ губерніяхъ. Итакъ, упоминаніе Кіева и кн. Владимира не даетъ еще права дѣлать заключенія не только о давности сложенія былинъ, но и о мѣстѣ ея происхожденія, такъ какъ эти имена могли быть вставлены сказителями въ былинный рассказъ по готовому шаблону, въ силу установившейся прочно традиціи—пріурочивать рассказы о богатыряхъ и ихъ подвигахъ къ кievскому періоду русской исторіи, въ частности—ко времени Владимира Красное Солнышко.

Изъ сдѣланнаго выше обзора содержанія кіевскихъ и новгородскихъ былинъ, сохранившихся до нашего времени, видно, что въ былинахъ, дѣйствительно, отразилась стародавняя исторія и жизнь русскаго народа, съ ея наиболѣе крупными событіями и явленіями, но отразилась такъ, какъ понималъ ее и представлялъ себѣ самъ народъ, согласно со своими понятіями и вѣрованіями. Въ нихъ мы, дѣйствительно, можемъ видѣть отношеніе народа къ своему прошедшему, живое и правдивое выраженіе народнаго характера, народныхъ понятій, вѣрованій. Поэтому былины—драгоценный матеріаль для изученія и вѣрнаго пониманія самого народа, создавшаго ихъ. По своей несомнѣнной народности, нравственному достоинству и общедоступности для всякаго русскаго человѣка, онѣ даютъ превосходный матеріаль для чтенія ученикамъ общеобразовательной низшей и средней школы, интереснаго и поучительнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ—несравненный матеріаль и для изученія живого русскаго языка, со всѣми его богатствами и красотами.

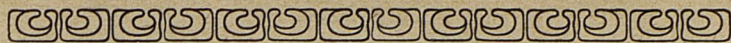
Какъ же слѣдуетъ поставить въ школѣ чтеніе былинъ? Какими объясненіями и упражненіями можетъ оно сопровождаться?

Понятно, что для полнаго пониманія былинъ всего удобнѣе читать ихъ въ связи съ рассказами изъ русской исторіи: тогда сдѣлается возможнымъ объяснять смыслъ тѣхъ образовъ, которые былинами даются. Но возможно чтеніе былинъ и независимо отъ исторіи. Въ такомъ случаѣ придется, не вдаваясь въ толкованія, заботиться только о томъ, чтобы ученики поняли непонятныя слова и выраженія, усвоили содержаніе былинъ и характеристическія черты дѣйствующихъ лицъ.

Упражненіями, сопровождающими чтеніе, устными и письменными, могутъ быть: изложеніе содержанія отдѣльныхъ былинъ, изложеніе исторіи того или другого богатыря по нѣсколькимъ былинамъ, характеристика отдѣльныхъ богатырей и всего богатырства, кіевскаго и новгородскаго. Пусть во всѣхъ этихъ упражненіяхъ ученики

пользуются языкомъ былинь, усваивая и внося въ свое изложеніе ихъ наиболѣе характерныя выраженія. Въ связи съ чтеніемъ разсказовъ изъ русской исторіи, какъ было сказано, становится возможнымъ и объясненіе былинь, какъ отраженія дѣйствительности, согласно съ народными понятіями и вѣрованіями. Во всякомъ случаѣ этихъ объясненій не слѣдуетъ навязывать ученикамъ. Пусть ученики сами находятъ сходство между тѣми или другими историческими данными и изображеніями былинь и добираются до смысла послѣднихъ или сами предлагаютъ о немъ вопросы, разъясненіе которыхъ въ такомъ случаѣ сдѣлается обязательнымъ для учителя.

II. Младшіе богатыри кievскіе.

1. Илья Муромецъ.

А) Какъ Илья Муромецъ сталъ могучимъ богатыремъ.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Въ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Жилъ былъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ.

У него было дѣтище любимое,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Сиднемъ онъ сидѣлъ, Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Уходилъ государь его батюшка,
Иванъ Тимоѳеевичъ, и со матушкой
На работу на крестьянскую.

Какъ приходили двѣ калики перехожія ¹⁾

Подъ тое окошечко косящато;

Говорятъ калики таковы слова:

„Ай же ты, Илья Муромецъ,

„Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!

„Отворяй каликамъ ворота широкія,

„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ,

„Подавай-ка каликамъ напитися!“

¹⁾ *Калики перехожія*—богатыри—нищіе странники.

Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:

— Ай же вы, калики перехожія!

— Радъ бы пустить васъ къ себѣ въ домъ, въ ворота широкія,

— Подалъ бы каликамъ напиться,

— Да вотъ сиднемъ сижу ровно тридцать лѣтъ,

— Не владѣю ни руками, ни ногами.—

Опять говорятъ калики перехожія:

„Вставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,

„Отворяй-ка ворота широкія,

„Пускай-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.

Послушался Илья, силу пробоваль,

И вставаль онъ, Илья, на рѣзвы ноги,

Отворяль ворота широкія

И пускаль каликъ къ себѣ въ домъ.

Приходили калики перехожія,

Они крестъ кладутъ по писаному,

Поклонъ ведутъ по ученому,

Наливаютъ чарку питьеца медвянаго,

Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.

Какъ выпилъ-то чару питьеца медвянаго,

Богатырско его сердце разгорѣлося,

Его бѣлое тѣло распотѣлося.

Возговорятъ калики таковы слова:

„Что чувствуешь въ себѣ, Илья Муромецъ?“

Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:

— Слышу въ себѣ силушку великую.—

Говорятъ калики перехожія:

„Будешь ты, Илья, великій богатырь,

„И смерть тебѣ на бою не написана:

„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ

„И со всякою поленицей ¹⁾ удалою,

„А только не выходи драться

„Со Святогоромъ богатыремъ;

„Черезъ силу его земля носить;

---

1) Поленица—богатыри-женщины, которыя тоже занимались „повеланьемъ“, т.-е. ѣздили въ чистое поле на удалые подвиги.

„Не ходи драться съ Самсономъ ¹⁾ богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ ²⁾:
„Его любить матушка-сыра земля;
„Не ходи еще на Вольгу Всеславьича:
„Онъ не силою возьметъ,
„Такъ хитростью-мудростью.
„Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго:
„Выходи на раздольице чисто поле,
„Покупай перваго жеребчика,
„Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ ³⁾;
„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
„Ты по три noci жеребчика въ саду поваживай,
„И въ три росы ⁴⁾ жеребчика выкатывай,
„Подводи его къ тыну ⁵⁾ ко высокому, —
„Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
„И въ ту сторону, и въ другую сторону, —
„Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
„Будетъ онъ носить тебя, Илью Муромца“.

Тутъ калики потерялися.

Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку,
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ ⁶⁾ отъ дубья кѣлодыя;
Онъ дубье-кѣлодые все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку все повыгрузилъ,
А самъ и ешелъ домой.

Встали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
На работу пошли—испужалися:

„Что это за чудо подѣялось?

„Кто бы намъ это сработалъ работушку?“

1) Самсонъ, подобно Святогору, одинъ изъ старшихъ богатырей.

2) Съ Микулой Селяниновичемъ и его родней.

3) Бѣлояровая пшеница—кукуруза.

4) Заревая роса, по народнымъ вѣрованіямъ, обладаетъ особенною живительною силою.

5) Тынъ—заборъ изъ бревенъ, поставленныхъ стоймя.

6) Палъ—обгорѣлый лѣсъ.

Работа-то была подѣлана,
 И пошли они домой, да дивуются.
 Какъ пришли домой, видятъ:
 Ходить по избѣ Илья Муромецъ,—
 Стали его спрашивать,
 Какъ онъ выздоровѣлъ.
 Разказалъ имъ Илья, родителямъ,
 Какъ приходили калики перехожія,
 Поили его питьецемъ медвянымъ,
 И съ того онъ сталъ владѣть руками и ногами
 И силушку получилъ великую.
 Пошелъ Илья въ раздолъице чисто поле,
 Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
 Бураго жеребчика косматенькаго.
 Покупалъ Илья того жеребчика,
 Что запросилъ мужикъ, то и далъ Илья;
 Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
 Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
 Поилъ свѣжей ключевой водой.
 И прошло поры-времени три мѣсяца,
 Сталъ Илья жеребчика по три noci по саду поваживать,
 Въ три росы его выкатывалъ,
 Подводилъ ко тыну высокому,
 И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать,
 И въ ту сторону, и въ другую сторону.
 Тутъ Илья Муромецъ Ивановичъ
 Съдлалъ добра коня, зауздывалъ,
 Бралъ у батюшки, у матушки
 Прощеньице-благословеньице
 И выѣхалъ въ раздолъице чисто поле.
 Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
 На шатерь бѣлополотняный.
 Стоитъ шатерь подъ великимъ сырымъ дубомъ,
 И въ томъ шатрѣ кровать богатырская немалая:
 Долиной кровать десяти сажень,
 Шириной кровать шести сажень.
 Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,

Легъ на ту кровать богатырскую
 И заснулъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
 А сонъ богатырскій крѣпокъ,—
 Заснулъ онъ на три дня и на три ночи.
 На третій день услыхалъ его добрый конь
 Великій шумъ съ-подъ сѣверныя сторонушки:
 Мать-сыра земля колыбается,
 Темны лѣсушки шатаются,
 Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
 Бьетъ его добрый конь копытомъ о сыру землю,
 Не можетъ разбудить Илью Муромца.
 Проязычилъ онъ языкомъ человѣческимъ:
 „Ай же ты, Илья Муромецъ Ивановичь!
 „Спишь себѣ, проклаждаешься,
 „Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
 „Ѣдетъ къ шатру Святогоръ-богатырь“.
 Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
 Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
 Головой упирается подъ облако ходячее.
 Приѣхалъ богатырь ко сыру дубу,
 Увидалъ онъ Илью Муромца
 И сталъ его выпрашивать,
 Кто онъ есть и какъ попалъ ему въ бѣлый шатеръ.
 Илья ему сказалъ все по правдѣ, по истинѣ.
 Тогда Святогоръ помѣнялся крестомъ
 Съ Ильєю Муромцемъ Ивановичемъ
 И назвалъ Илью меньшимъ братомъ.
 Выучилъ Святогоръ меньшого брата
 Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ,
 И поѣхали они ко Святымъ горамъ,
 И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ.
 На томъ гробу подпись подписана:
 „Кому суждено во гробу лежать,
 „Тотъ въ него и ляжетъ“.
 Легъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
 Для него домовище ¹⁾ и велико, и широко.

¹⁾ Домовище — гробъ.

Ложился Святогоръ богатырь:

Гробъ пришелся по немъ какъ разъ.

Говорить богатырь таковы слова:

„Домовище про меня дѣлано,—

„Возьми-тко крышку, Илья,—закрой меня“.

— Не возьму я крышки, бѣдшій братъ,

— Не закрою тебя, Святогоръ богатырь,—

— Шутишь ты шуточку немалую,

— Самъ себя хоронить собрался.—

Взялъ богатырь крышку, и самъ закрылъ гробъ,

Да какъ захотѣлъ поднять ю ¹⁾,

Крышка не подымается.

Бился онъ, силился по-напрасному

И проговорилъ онъ Ильѣ Муромцу:

„Ай, меньшій братъ! не могу поднять крышки,

„Попробуй-ка приподнять ю, Илья Муромецъ“.

Попробовалъ Илья Муромецъ, да гдѣ ему!

Говорить тогда Святогоръ богатырь:

„Возьми-ка мой мечъ-кладенецъ,

„Ты ударь мечомъ поперекъ крышки!“

Ильѣ Муромцу не подѣ силу и поднять меча-кладенца.

Зоветь его Святогоръ богатырь:

„Наклонись ка ко гробу, ко маленькой щелочкѣ,

„Я дохну на тебя богатырскимъ духомъ“.

Какъ наклонился ко гробу Илья Муромецъ,

Дохнулъ на него Святогоръ богатырь,

Почуялъ Илья, что силы въ немъ прибавилось,

Стало втрое противъ прежняго.

Поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки.

Отъ того удара великаго только искры посыпались,

А гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ,

На томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная.

Зоветь Илью Святогоръ богатырь:

„Душно мнѣ, меньшій братъ Илья Муромецъ.

„Попробуй еще ударить вдоль крышки“.

¹⁾ Ю—ее, старинная форма винительнаго падежа.

Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки,—
И тутъ выросла полоса желѣзная.
Опять проговорилъ Святогоръ богатырь:
„Задыхаюсь я, меньшій братецъ,
„Наклонись-ка ко гробу, ко щелочкѣ,
„Ядохну на тебя, передамъ тебѣ всю силушку великую“.
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— Будеть съ меня силы, бѣльшій братецъ,—
— Не то земля на себѣ меня носить не станетъ.—
Промолвился тутъ Святогоръ богатырь:
„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
„Что не послушалъ моего послѣдняго наказа:
„Ядохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ,
„И ты бы легъ мертвъ подлѣ меня.
„А теперъ прощай, владай мечомъ-кладенцемъ,
„А добра коня моего богатырскаго
„Привяжи къ моему гробу богатырскому;
„Никто, кромѣ меня, съ нимъ не совладеетъ“.
Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ.
Простился Илья съ старшимъ братомъ,
Привязалъ добра коня ко гробу богатырскому,
Опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Б) Илья Муромецъ ѣдетъ въ Кіевъ прямоѣзжею дорогою.—Дѣло у Чернигова.—Камышнички, вору-разбойнички.—Соловей-Разбойникъ.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
„Охъ ты гой еси, родимый милый батюшка!
„Дай ты мнѣ свое благословеньице,—
„Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ
„Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
„Заложиться за князя Володимира,

„Послужить ему вѣрою-правдою,

„Постоять за вѣру христьянскую“ ¹⁾.

Отвѣчалъ старой хресьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ:

— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,

— А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.

— Поѣдешь ты путемъ-дорогою,

— Не помысли зломъ на татарина,

— Не убей въ чистомъ полѣ хресьянина.—

Поклонился Илья Муромецъ отцу до-земли,

Осѣдлалъ, зауздаль добра коня,

Говорилъ самъ таковы слова:

„Ай ты, добрый мой богатырскій конь,

„Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“

Обкольчужился Илья, облатился ²⁾,

Бралъ съ собою мечъ-кладенецъ,

Бралъ съ собой тугой лукъ,

Бралъ еще глубокъ-колчанъ, калены стрѣлы,

Бралъ копые долгомѣрное,

Бралъ и палицу булатную,

Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ

Ко стольному ко граду Кіеву.

И кладетъ Илья заповѣдь велику,

Что проѣхать до Кіева дорогой прямоѣзжею,

А рукъ дорогой не кровавити,

Не вымать изъ налушна ³⁾ тугой лукъ,

Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.

Попрощался Илья съ отцомъ съ матерью,

И садился Илья на своего добраго коня,

А и только эго, Илью, видѣли.

А и выѣхалъ Илья со двора своего

Въ тѣ ворота широкія;

Какъ стегалъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,

А и конь подъ Ильей разсержается.

Онъ первый скокъ ступилъ за пять верстъ,

1) Христьянскій—христіанскій; хресьянинъ—крестьянинъ.

2) Надѣлъ кольчугу и латы.

3) Изъ чехла, въ которомъ сохрпняется лукъ.

А другого ускока не могли найти,
 Заѣзжалъ еще Илья за Оку рѣку
 Ко тому Миколѣ Заручѣвскому,
 Отслужилъ обѣдню запрестольную,
 Становилъ свѣчу въ двадцать пять рублей,
 Посулилъ впередъ въ пятьдесятъ рублей.
 А съ третьимъ ускокомъ Илья Муромецъ
 Ъхалъ мимо города Чернигова.
 Подъ Черниговымъ вражьей силушки чернымъ черно,

Чернымъ черно, какъ черна ворона.
 Припустилъ онъ коня богатырскаго
 На эту силу басурманскую,
 Сталь конемъ топтать и копьемъ колоть,
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
 И подѣхалъ онъ къ городу ко Чернигову.
 Приходятъ мужики ¹⁾ къ нему черниговцы,
 Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ-градъ
 И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
 Говоритъ имъ Илья таковы слова:

¹⁾ Мужики—мужи, горожане.

„Ай же вы, мужики-черниговцы!

„Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводу;

„А скажи-ка мнѣ дорожку прямоѣзжую,

„Прямоѣзжую дорогу въ стольный Кіевъ-градъ“.

Говорили ему мужики-черниговцы:

— Ай же, удаленькій дородный добрый молодець,

— Славный богатырь святорусскій!

— Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,

— Окольною дорожкой цѣла тысяча.

— Прямоѣзжая дороженька заколодила,

— Заколодила дорожка, замуравила,

— Залегла дорожка ровно тридцать лѣтъ;

— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать ¹⁾,

— Черный воронъ не пролетывать:

— Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному.

— И залегъ ту дорогу Соловей-разбойникъ.

— Сидитъ онъ, Соловей, на девяти дубахъ,

— Захватываетъ, воръ-собака, на девяти верстахъ;

— Свищетъ Соловей онъ по соловьиному,

— Воскричитъ то онъ, злодѣй, по звѣриному,—

— Темны лѣсушки къ землѣ приклоняются,

— Что есть людишекъ—всѣ мертвы лежать.—

Стоитъ Илья, пораздумался:

„Прямоѣзжая дорога переломана,

„Калиновы мосточки переворочены.

„Не честь мнѣ хвала молодецкая

„Ѣхать той дорожкой окольной,

„А лучше поѣду дороженькой прямоѣзжею“.

Поѣхалъ добрый молодець въ лѣса Брынскіе.

Какъ на встрѣчу добру молодцу камышнички,

По-русскому назвать воры-разбойнички.

Хотятъ они молодца убить-погубить,

Тѣло бѣлое съ душой разлучить.

Возговорить добрый молодець, Илья Муромецъ:

„Охъ вы гой еси, добры молодцы-камышнички,

1) Прорыскивать-прорыскаетъ; пролетывать-пролетываетъ.

„По-русски назвать воры-разбойнички!

„Убить-то меня вамъ нѣ про что,

„А взять-то съ меня вамъ нечего:

„Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей,

„Кушачекъ, колпачекъ во тысячу;

„А стрѣль колчанъ во двѣ тысячи;

„А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.

„Охъ вы гой еси, камышнички,

„По-русски воры-разбойнички!

„Дайте вы мнѣ, молодцу, исправиться,

„Будете молодцу и кланяться!“

Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,

Накладывалъ калену стрѣлу

На тоѣ тетивочку шелковую:

„Ой вы гой еси, добры молодцы!

„Въ васъ стрѣлять или въ дубъ сырой?

Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матеръ дубъ,

Расшибилъ сыръ матерый дубъ

По мелкимъ ножевымъ череньямъ.

Всѣ камышнички перепугалися

И упали на сыру землю ницъ лицомъ.

Возговорилъ добрый молодець:

„Охъ вы гой еси, добры молодцы-камышнички!

„Полноте лежать на сырой землѣ!“

Встали добрые молодцы на рѣзвы ноги:

— Ты гой еси, удалый добрый млодець!

— Поди ты къ намъ въ товарищи,

— И будь ты у насъ атаманушкой!—

Возговорилъ добрый молодець

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:

„Не хочу я съ вами разбойничать,

„Самъ не хочу, да и вамъ не вѣлю.

„А ѣду я въ стольный Кіевъ-градъ,

„Къ Володимиру князю на вспоможеніе,

„На его, князя, сбереженіе“.

Спускалъ Илья коня богатырскаго,

Поѣхалъ по дороженькѣ прямоѣзжей,

Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки, озерки межъ ногъ спущать.
Подъѣзжаетъ онъ къ рѣчкѣ ко Смородинкѣ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
Наѣхалъ онъ на Соловья-разбойника.
И слышалъ Соловей-разбойникъ
Того ли топоту конинаго
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ, разбойникъ, по-змѣиному,
А втретьи зрявкнетъ по-звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился
И падалъ вѣдь на кукорачъ ¹⁾.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А ты, волчья сыть ²⁾, травяной мѣшокъ;
„Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
„Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
„Не слыхалъ ты свисту соловьиного,
„Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
„А того ли ты крику звѣринаго,
„А звѣринаго крику туринаго“ ³⁾.
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымасть калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника:
И попалъ Соловья да въ правый глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой землѣ.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья къ той ко лукѣ ко сѣдельныя,

1) *Окорачился, падалъ на кукорачъ*—осѣлъ на задъ, подогнувъ ноги.

2) Волчій кормъ, чѣмъ волкъ сытъ.

3) Крикъ *тура*.

Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе, —
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на девяти верстахъ,
Какъ было около двора желѣзный тынъ ¹⁾,
А на всякой тычинкѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія.
Наводила трубками нѣмецкими
Его Соловьева молода жена
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака въ свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
„А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
„А девять сыновъ, ясны соколы!
„Вы подите въ подвалы глубокіе,
„Берите мои золотые ключи,
„Отмыкайте вы мои окованны ларцы,
„А берите вы мою золоту казну,
„Выносите ее за широкій дворъ,
„И встрѣчайте удала добра молодца;
„А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
„Отца-то вашего въ торокахъ ²⁾ везетъ“.
А и тутъ ея девять сыновъ закорилися
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не подходятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,

1) Заборъ изъ колевъ желѣзныхъ.

2) Торока—ремни у сѣдла.

И бросилась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
„Гой еси ты, удалый добрый молодець!
„Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
„Отпусти Соловья-разбойника,
„Не вози Соловья во Кіевъ-градъ“.
А его-то дѣти Соловьевы
Неучтиво они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
И стегаеть Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ;
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летить,
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ-градъ.
Среди двора княженецкаго
И скочилъ онъ, Илья, со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу.
Проходилъ онъ во гридню во свѣтлую ¹⁾,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владимира,
У него князя почестный ²⁾ пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукойъ,
Выпиваетъ Илья чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковый Владимиръ князь:
„Ты скажись, молодець, какъ именемъ зовутьъ,
„А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
„По изотчеству ³⁾ пожаловати“.

1) *Гридня*—комната, гдѣ пируютъ князья, бояре и богатыри.

2) *Почестный*—въ почетъ кому.

3) То-есть по отчеству.

И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:

— А ты, ласковый, стольный Владимиръ князь!

— А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;

— И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую

— Изъ славна города изъ Мурома,

— Изъ того села Карачарова.

Говорятъ тутъ могучіе богатыри:

„А ласково солнце, Владимиръ князь,

„Въ очахъ ¹⁾ дѣтина замирается:

А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?

„Залегла та дорога тридцать лѣтъ

„Отъ того Соловья-разбойника“.

Говоритъ Илья Муромецъ:

— Гой еси ты, сударь, Владимиръ князь,

— Посмотри мою удачу богатырскую,

— Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ къ тебѣ. —

И втапору Илья Муромецъ

Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ

Смотрѣть его удачи богатырскія.

Выходили тутъ и князи, бояра,

Всѣ русскіе могучіе богатыри:

Самсонъ богатырь Колывановичъ,

Суханъ ²⁾ богатырь, сынъ Домантьевичъ,

И семь-то братьевъ Сбродовичи,

Еще мужики были Залѣшане,

А еще два брата Хапиловы,

Только было у князя ихъ тридцать молодцевъ.

Выходить Илья на широкій дворъ,

Къ тому Соловью-разбойнику,

Онъ сталъ Соловья уговаривать:

— Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!

— Посвисти, Соловей, по-соловьиному,

— Пошипи, змѣй, по-змѣиному,

---

1) *Въ очахъ*—очевидно, на глазахъ у всѣхъ.

2) Тоже одинъ изъ старшихъ богатырей, подобно Святогору и Самсону.

— Зрявкой, звѣрь, по-туриному,
— И потѣшь князя Владимира.—
Засвисталь Соловей по-соловьиному:
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашищѣлъ злодѣй по-змѣиному;
Онъ втретѣ зрявкаеть по-туриному:
А князи и бояра испужалися,
На корачкахъ ¹⁾ по двору напоззалися
И все сильны богатыри могучіе.
И накурилъ онъ бѣды несносныя:
Гостины кони со двора разбѣжались,
И Владимиръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгиней Апраксѣвной.
Говорилъ тутъ ласковый Владимиръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Уйми ты Соловья-разбойника:
„А и эта шутка намъ не надобна“.
Сталь Илья унимать Соловья по-свойскому:
Онъ схватилъ его за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю-матушку,
Онъ въ подбросъ его кидаль
Выше башни наугольныя,
Онъ остатки его хлопнулъ о сѣрый камень;
Соловью отъ себя скоро смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицу,
Во княженецкія горницы,
И садили его да по край стола,
По край стола, да по край скамьи.
„Еще ты, славный князь кіевскій!
„Ты неси-ка чашу большую да обѣручную
„Зелена вина да въ полтора ведра!“
Илья-то беретъ чашу одною рукой,
Онъ и пьетъ ее на единый духъ.
Еще все-то ему мало кажется:

1) То-есть на четверенькахъ.

„Ты неси еще, князь, чашу бѣольшую,
„Чашу бѣольшую, да обѣручную,
„Еще два ведра да зелена вина,
„Все съ водочкой, да со наливочкой,
„Со крѣпкими да со напитками“.

Илья примається да одной рукой,
Онъ и пьетъ чашу на единый духъ.
Еще тутъ Илью маленько да ошабурило:

Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться,—
Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.

А у князя въ ту пору да въ то времячко

Еще столъ идетъ да въ полу-столѣ,

Еще пиръ идетъ да въ полу-пиру;

За столомъ сидятъ гости-бояра,

Еще всѣ купцы да торговые,

Еще сильны могучи богатыри,

Свято-русскіе воины.

Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,

Поприжалъ онъ ихъ да въ большой уголь;

Еще сталъ гостей да поколачивать,

Еще сталъ гостей поворачивать.

Еще князь въ ту пору да въ то времячко

За печку задвинулся,

Собольей шубой закинулся.

В) Илья Муромецъ во главѣ кіевскихъ богатырей.—Жидовинъ-богатырь.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,

На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ,

Стояла застава богатырская ¹⁾.

На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;

Податаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;

---

¹⁾ То-есть нѣчто въ родѣ крѣпости для огражденія отъ вражескихъ набѣговъ.

Ясауль Алеша, поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій сынъ,
Быль у нихъ Васька Долгополый.
Все были братцы въ разъѣздицѣ:
Гришка-Бояринъ въ-тѣ-поры кравчимъ жилъ ¹⁾,
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-градъ,
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,

Спаль въ бѣломъ шатрѣ,
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископытъ ²⁾ великую,
Ископытъ велика—поль-печи.
Учалъ онъ ископытъ досматривать:

¹⁾ Придворная должность.

²⁾ *Ископытъ*—комъ земли изъ подъ-копыта.

„Ещё—что же то за богатырь ѣхаль?

„Изъ этой земли изъ Жидовскія

„Проѣхаль Жидовинъ могучъ богатырь ¹⁾

„На эти степи Цыцарскія!“ ²⁾

Приѣхаль Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,

Прибираль свою братію приборную:

„Ой вы гои еси, братцы-ребятушки!

„Мы что на заставушкѣ устояли?

„Что на заставушкѣ углядѣли?

„Мимо нашу заставу богатырь ѣхаль!“

Собирались они на заставу богатырскую,

Стали думу крѣпкую думати:

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

Положили на Ваську Долгополага.

Говоритъ бѣльшій богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Неладно, ребятушки, полѣжили;

„У Васьки полы долгія:

„По землѣ ходитъ Васька—заплетається,

„На бою, на дракѣ заплетется,—

„Погинѣтъ Васька по-напрасному“.

Положились на Гришку на боярскаго:

Ѣхать Гришкѣ за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.

Говоритъ бѣльшій богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Неладно, ребятушки, удумали;

„Гришка рода боярскаго:

„Боярскіе роды хвастливые;

„На бою, на дракѣ призахвастается,—

„Погинѣтъ Гришка по-напрасному“.

Положились на Алѣшу на Поповича;

Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

1) *Жидовская земля* — земля *Козарская, Хозарская*, степь на востокъ отъ Днѣпра, откуда приходили евреи къ Владимиру предлагать свою вѣру.

2) Вѣроятно, — Прикаспійскія степи.

Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говорить бѣльшій богатырь Илья Муромецъ.
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
„Неладно, ребятушки, положили:
„Алешенька рода поповскаго;
„Поповскіе глаза завидующіе,
„Поповскія руки загребуція:
„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
„Много злата, серебра,—
„Злату Алеша позавидуетъ;
„Еще станеть онъ, захлышшевый ¹⁾, вздорити,—
„У Алеша вѣжество не рожденное,—
„Погинѣтъ Алеша по-напрасному“.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
По-плечъ отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походить Добрыня на конюшій дворъ,
Имаеть Добрыня добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣдельшко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,—
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую ²⁾.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину ³⁾;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!

1) *Захлышшевый*—забубенный, нахальный, смѣлый очертя голову.

2) *Сорочинская гора*—по народнымъ представленіямъ находилась гдѣ-то близъ моря Хвалынскаго (Каспійскаго).

3) *Чернизина*—черное пятно.

„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —

„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?

„Податаманью Добрынѣ Никитичу?

„Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь

„На всю нашу братію наборную?“

Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,

Поворачивалъ нахвальщина добра коня,

Попуцалъ на Добрыню Никитича:

Сыра мать-земля всколебалася,

Изъ озеръ вода выливалася,

Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.

Добрыня Никитичъ младъ

Господу Богу возмолится

И Мати Пресвятой Богородицѣ:

„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“

Подъ Добрыней конь посправился, —

Уѣхалъ на заставу богатырскую.

Илья Муромецъ встрѣчаетъ его

Со братією со приборною.

Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:

„Какъ выѣхалъ на гору на Сорочинскую,

„Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,

„Увидалъ на полѣ чернизину,

„Поѣхалъ прямо на чернизину,

„Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:

— Воръ, собака, нахвальщина!

— Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь, —

— Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?

— Податаманью Добрынѣ Никитичу?

— Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь

— На всю нашу братію на приборную?“

„Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,

„Поворачивалъ нахвальщина добра коня,

„Попуцалъ на меня, добра молодца:

„Сыра мать-земля всколебалася,

„Изъ озеръ вода выливалася,

„Подо мною конь на колѣнца палъ.

„Тутъ я Господу Богу возмѣдился:
„Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!“
„Подо мною тутъ конь посправился,
„Уѣхаль я отъ нахвальщика
„И пріѣхаль сюда, на заставу богатырскую“.
Говорить Илья Муромецъ:
„Больше некъмъ замѣнитися, —
„Видно, ѣхать атаману самому!“
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаеть Илья добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаеть въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую, —
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедра беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидалъ на полѣ чернизину,
Поѣхаль прямо на чернизину,
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
„Миѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
„Податаманью Добрынѣ Никитичу?
„Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братью наборную?“
Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попуцалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился ¹⁾.
Сѣѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впервые палицами ударились, —
Палицы у нихъ изломались,
Другъ дружку не ранили;

¹⁾ Не удробился—не испугался.

Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приломались,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололися,
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта;
Махнетъ Илейко ручкой правою,—
Поскользится у Илейка ножка лѣвая,
Паль Илья на сырую землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалище булатное,
Хочетъ вспоротъ груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По-плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матерый!
— Зачѣмъ ты ѣздишь во чисто поле?
— Будто некъмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
— Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той пути, при дороженькѣ;
— Собиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
— Тутъ бы, старикъ, сытъ-питанень былъ.
Лежить Илья подъ богатыремъ,
Говорить Илья таково слово:
„Да неладно у святыхъ отцевъ написано,
„Неладно у апостоловъ удумано:
„Написано было у святыхъ отцевъ,
„Удумано было у апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому ¹⁾;
„А теперъ Илья подъ богатыремъ!“
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщику въ бѣлы груди,

1) Илья Муромецъ припоминаетъ слова каликъ переходжихъ.

Вышибаль выше дерева жароваго ¹⁾,
Паль нахвальщина на сыру землю,
Въ сыру землю ушелъ до-поясь.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать,
Скоро вепороль груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По-плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣдилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
„Экаго чуда не наѣзживаль!“

Г) Илья Муромецъ побѣждаетъ Идолице поганое.

Приѣзжалъ Идолице ²⁾ поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Съ грозою, со страхомъ со великіимъ
Къ тому ко князю, ко Владимиру,
И становился онъ на княжескій дворъ,
Посылалъ посла ко князю, ко Владимиру,
Чтобъ князь Владимиръ стольно-Кіевскій

---

1) Рослое дерево, которое выросло на припекѣ, на жарѣ.

2) Въ образѣ Идолица, надо полагать, представляется язычество. Былина представляетъ, какъ подвигъ Ильи Муромца, истребленіе языческихъ идоловъ вскорѣ послѣ принятія христіанства; объ этомъ въ лѣтописи разсказывается такъ: „Самъ Владимиръ пришелъ въ Кіевъ (изъ Корсуни). Когда пришелъ, повелѣлъ низвергнуть идоловъ, иныхъ изрубить, другихъ сжечь, а Перуна велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту и тащить съ горы“.

Въ былинѣ Илья схватилъ „шляпку земли греческой“ и ею побилъ Идолице, подобно тому, какъ греческой христіанской вѣрой было уничтожено въ Кіевѣ язычество.

Ладиль бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владимиру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
„Ты, Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
„Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
„Поединщика и супротивника съ силушкой великою,
„Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ посправиться“.
Тутъ Владимиръ князь ужახнулся,
Приужахнулся да и закручинился.
Говорить Илья таковы слова:
„Не кручинься, Владимиръ, не печалуйся:
„На бою мнѣ-ка смерть не написана,—
„Поѣду я въ раздолъице чисто поле
„И убью-то я Идолища поганого“.
Обуль Илья лапотки шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку одѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому,
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собою палицы булатныя
И не взялъ онъ съ собою сабли вострыя.
Идетъ-то дороженькой—пораздумался:
„Хощь иду-то я къ Идолищу поганому,
„Ежели будетъ не пора мнѣ-ка; не времячко,
„И съ чѣмъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться?“
На тую пору, на то времячко,
Идетъ ему навстрѣчу Каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюку девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, Каличище Иванище!
„Уступи-тко мнѣ клюки на времячко,—
„Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому?“
Не даетъ ему Каличище Иванище,
Не даетъ ему клюки своей богатырской.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, Каличище Иванище!

„Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:

„Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,

„Я тебя убью, мнѣ клюка и достанется“.

Разсердился Каличище Иванище,

Здынулъ онъ клюку выше головы,

Спустилъ онъ клюку во сыру землю,

Пошелъ Каличище завѣрыдалъ.

Илья Муромецъ едва досталъ клюку изъ сырой земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну

Ко этому Идолищу поганому,

Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.

Говорить ему Идолище поганое:

— Ай же ты, калика перехожая!

— Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?—

Говорить ему Илья таковы слова:

„Толь великъ Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть?

— По многу ли Илья вашъ пива пьеть?—

Говорить Илья таковы слова:

„По столько ѣсть Илья, какъ и я,

„По столько пьеть Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

— Экой вашъ богатырь Илья:

— Я вотъ по семи ведеръ пива пью,

— По семи пудъ хлѣба кушаю.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,

„У его была корова ѣдучая:

„Она много фла-пила и лопнула“.

Это Идолищу не слюбилося:

Схватилъ онъ чинжалище булатное

И махнулъ онъ въ калику перехожую

Со всея со силушки великія.

И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,

Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,

Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ онъ съ головушки шляпку земли греческой
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы 1).

Д) Илья Муромецъ освобождаетъ Кіевъ отъ Калина царя.

Да изъ Орды 2), Золотой земли,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичъ 3),
Ко стольному городу ко Кіеву,
Съ своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра;
Собиралось съ нимъ силы на сто верстъ
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра-земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ па́ру было отъ конинаго
А и мѣсяць, и солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки 4) скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю Владимиру;
Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрюю тотъ татаринъ трехъ сажень;

1) Пополамъ.

2) Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева въ былинахъ называются *ордами*.

3) *Калинъ царь* и его силы—кочевники, вторгавшіеся въ предѣлы русской земли. Впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ татарскаго погрома, они въ народѣ тоже стали слыхъ подъ общимъ названіемъ *татаръ*.

4) *Ярлыкъ*—грамота, указъ, предписаніе, письменное распоряженіе о чемъ-нибудь.

Голова на татаринѣ съ пивной котель,
Который котель сорока ведеръ;
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что „возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ-градъ,
А Владимира князя въ полонъ полонить ¹⁾,
Божьи церкви на дымъ пустить“ ²⁾.
Даетъ тому татарину ярлыки скорописчаты
И послалъ его въ Кіевъ на-скоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю Владимиру;
А и будетъ онъ, татаринъ, въ Кіевѣ
Среди двора княженецкаго,
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не привязываетъ,
Бѣжитъ онъ во грядню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владимиру князю не кланяется
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ ³⁾;
Бросалъ ярлыки на круглый столъ
Передъ великаго князя Владимира.
Отшедъ татаринъ слово выговорилъ:
„Владимиръ князь стольно-Кіевскій!
„А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ-градъ,
„Безъ бою, безъ драки великія,
„И безъ того кроволитія напраснаго“.
Владимиръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ;
Гляючи на ярлыки, заплакалъ свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не слѣчилось,
А Калинъ-царь подъ стѣной стоитъ;
А съ Калиномъ силы напасено

1) Возьметъ въ плѣнъ.

2) Сожжетъ.

3) Т.-е. не считаетъ и людьми, не ставитъ ни во что.

Ни много, ни мало—на сто версть
Во все четыре стороны.
Еще съ Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи,
По праву руку его зять сидить,
А зятя зовуть у него Сартакомъ;
А по лѣву руку сынъ сидить,
Сына зовуть Лоншекомъ.
И то дѣло у нихъ не окончено,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Втапоры Василій-пьяница ¹⁾
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Береть онъ свой тугой лукъ разрывчатый,
Калену стрѣлу перяную,
Наводилъ онъ трубками нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ-царь,—
И тотъ-то Василій-пьяница
Стрѣляетъ онъ тутъ въ Калина-царя;
Не попалъ въ собаку Калина-царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,—
Угодила стрѣла ему въ правый глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину-царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили ²⁾,
Убили зятя любимаго
Съ той башни со стрѣльня.
И тутъ Калину-царю за бѣду стало:
Посылалъ другого татарина
Ко тому князю Владимиру,
Чтобы выдалъ того виноватого.
А мало время замѣшкавши,
Съ тоя стороны полуденныя,

---

¹⁾ *Василій Иштъевичъ Долополоый*—богатырь-пьяница.

²⁾ *Загрезили*—забрели, затѣяли безъ толку.

Что ясный соколъ въ перелетъ летить,
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ,
Бѣжитъ Илья Муромецъ Ивановичъ.
Пріѣхалъ онъ во стольный Кіевъ-градъ,
Среди двора княженецкаго
Соскочилъ Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не привязываетъ,
Идетъ во грядню во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны,
И самъ Илья усмѣхается:

„Гой еси, сударь, Владимиръ князь!

„Что у тебя за болванъ иришелъ?

„Что за дуракъ неотесанный?“

Владимиръ князь стольно-Кіевскій

Подаетъ ярлыки скорописчаты;

Принялъ Илья, самъ прочитываль,—

Говоритъ тутъ ему Владимиръ князь:

— Гой еси, Илья Муромецъ!

— Пособи мнѣ думушку думати,

— Сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ-градъ,

— Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,

— Безъ того кроволитія напраснаго?—

Говоритъ Илья таково слово:

„Владимиръ князь стольно-Кіевскій!

„Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся:

„Боже-Спасъ оборонитъ насъ.

„Насынай ты мису чиста серебра,

„Другую красна золота,

„Третью мису скатнаго жемчуга;

„Поѣдемъ со мной ко Калину царю,

„Со своими честными подарками,—

„Тотъ татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ“.

Наряжался князь тутъ поваромъ,

Замарался сажею котельною;

Поѣхали они ко Калину царю,

А прямо ихъ татаринъ въ лагери ведеть.

Пріѣхаль Илья ко Калину царю,

Въ его лагери татарскіе.

Соскочиль Илья со добра коня,

Калину царю поклоняется,

Самъ говоритъ таково слово:

„А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!

„Прими наши дороги подарочки

„Отъ великаго князя Владимира:

„Перву мису чиста серебра,

„Другую красна золота,

„Третью мису скатна жемчугу;

„А дай ты намъ сроку на три дня,

„Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,

„Отслужить обѣдни съ панихидами,

„Какъ-де служатъ по усоншимъ душамъ,

„Другъ съ дружкой проститися“.

Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:

— Гой еси ты, Илья Муромецъ!

— Выдайте вы намъ виноватаго,

— Который стрѣляль съ башни со стрѣльня,

— Убилъ моего зятя любимаго“.

Говоритъ ему Илья таково слово:

„А ты слушай, Калинъ-царь, повелѣнное:

„Прими наши дороги подарочки

„Отъ великаго князя Владимира,—

„Гдѣ намъ искать такого челоуѣка и вамъ отдать?“

И тутъ Калинъ приняль золоту казну

Не честно у него, самъ прибраниваетъ.

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,

Что не даль сроку на три дня и на три часа,

Говориль Илья таково слово:

„Собака, проклятый ты Калинъ-царь!

„Отойди съ татарами отъ Кіева;

„Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“

И тутъ Калину-царю за бѣду стало,

Велѣль татарамъ схватить Илью;

Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры ¹⁾ шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говориль Илья таково слово:
„Собака, проклятый ты Калинѣ-царь!
„Отойди прочь съ татарами отъ Кіева:
„Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“
И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ онъ Ильѣ во ясны очи:
— А русскій людъ всегда хвастливъ,—
— Опутанъ весь будто лысый бѣсъ,
— Еще ли стоить передо мною, самъ хвастаетъ.—
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
Что плюетъ Калинѣ въ ясны очи;
Вскочилъ въ полѣ-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,—
Не допустятъ Илью до добра коня
И до его-то до палицы тяжкія,—
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевѣ-градѣ,
И зачалъ татаринѣ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ—съ переулками,
А самъ татарину приговариваетъ:
„А и крѣпокъ татаринѣ, не ломится,
А жиловать, собака, не изорвется“.
И только Илья слово выговориль,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та голова по силѣ вдоль
И бьетъ ихъ, ломить, въ конецъ губить;
Достальные татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ.
Оставили свои возы и лагеря.
Воротился Илья ко Калину-царю,

---

¹⁾ *Чембуръ*—поводъ уздечки, за который водятъ и вяжутъ коня.

Схватилъ онъ Калина за бѣлы руки,

Самъ Калину приговариваетъ:

„Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ“.

Согнетъ его корчагою,

Вздымалъ выше буйны головы своей,

Ударилъ его о горючъ камень,

Расшибъ его въ крошечки.

Достальные татара на побѣгъ бѣгутъ,

Сами они заклинаются:

„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,

„Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!

„Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы?

„Одинъ человекъ всѣхъ татаръ прибилъ!“

Пошелъ Илья Муромецъ

Искать своего товарища,

То ли Василья пьяницу Игнатьева,

И скоро нашель его на кружалѣ ¹⁾ Петровскимъ,

Привель ко князю Владимиру.

А пьетъ Илья довольно зелена вина,

Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,

И называетъ Илья того пьяницу

Василья братомъ названнымъ.

То старина, то и дѣянье.

---

2. Добрыня Никитичъ.

А) Встрѣча Добрыни со Змѣемъ.

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,

А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.

А жилъ во Рязани тутъ богатый гость,

А гостя-то звали Никитою;

Живучи-то Никита состарѣлся, преставился.

---

¹⁾ Кружало — питейное заведеніе, кабакъ, гдѣ людей отъ вина „кружить“.